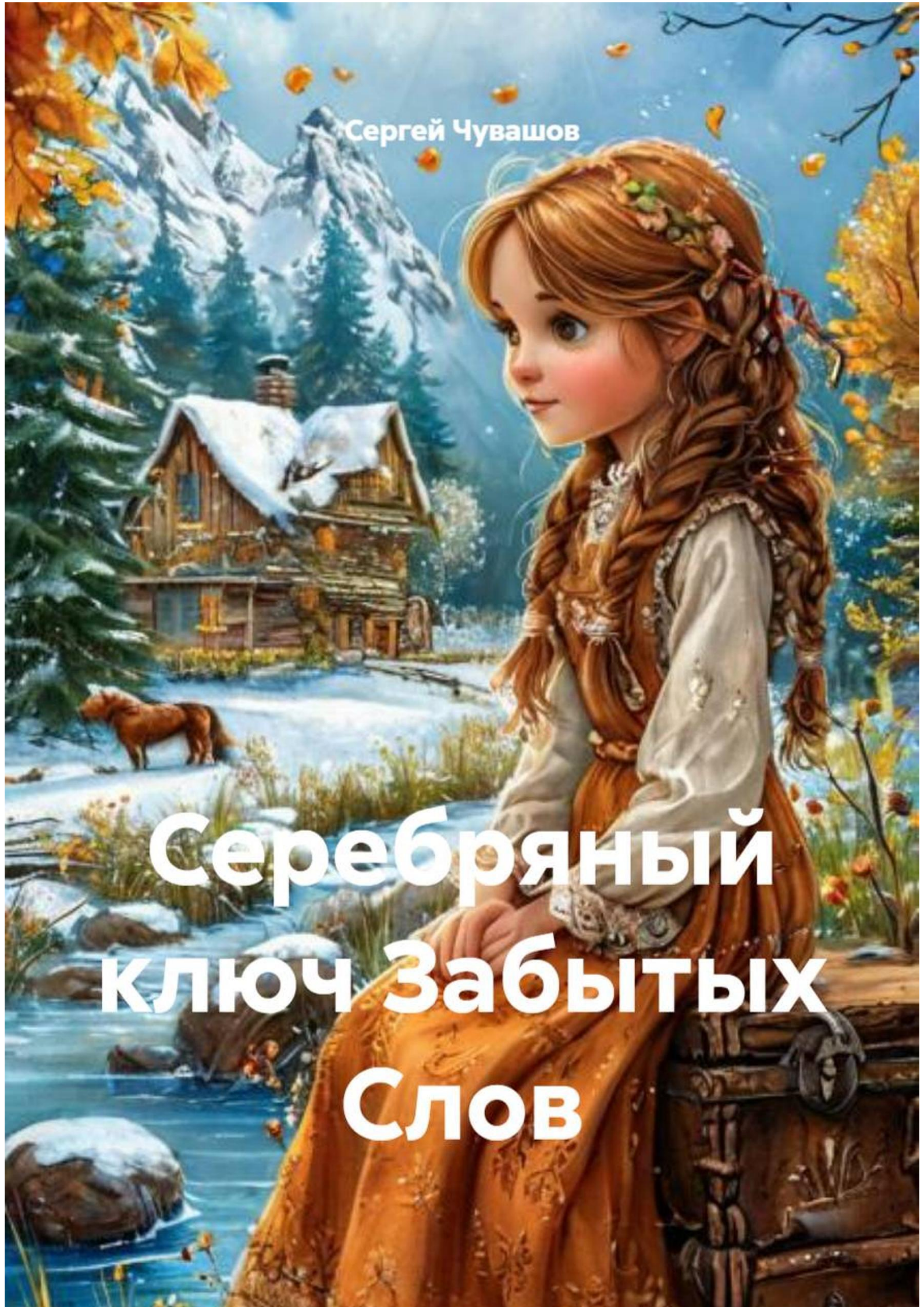

Сергей Чувашов

Серебряный ключ забытых Слов

Сергей Чувашов

Серебряный ключ Забытых Слов

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Серебряный ключ Забытых Слов / С. Ю. Чувашов — «Автор»,
2026

В деревне Заветный Брод, где даже ветер знает все сказки наизусть, живёт девочка Варя — тихоня и мечтательница. Однажды она находит в бабушкином сундуке старинное веретено, которое не веретено вовсе, а самый настоящий Серебряный Ключ. Да не простой, а от родника, где живут потерянные слова. Оказывается, если слова забыть или перестать произносить с добром — они уходят под землю и плачут. А без них мир тускнеет: лошади не ржут, берёзы не шелестят, а зима забывает, как таять. Варя отправляется в подземное царство слов вместе с болтливым Домовым Кузей и ворчливым Лешим Тихоном. Но за Серебряным Ключом охотится Сумеречная Немая — хозяйка Молчания. Кто победит: тишина или звонкое слово? Узнаете, если прочитаете сказку до последней капли росы.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Где ветер целует берёзы	5
Глава 2. Что нашлось в сундуке, где пахнет юностью	6
Глава 3. Болтливый Кузя и Плачущий Леший	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Чувашов

Серебряный ключ Забытых Слов

Глава 1. Где ветер целует берёзы

Деревня Заветный Брод стояла на семи холмах, и каждый холм пах по-своему. Первый — земляникой, второй — мятой, третий — дождевым грибом, четвёртый — сухой берестой, пятый — свежим хлебом из русской печи, шестой — малиной, а седьмой — самым главным секретом: так пахнет только счастье, когда его никто не ждёт.

В той деревне жила да была девочка Варя. Имя простое, а душа — глубокая, как омут на рассвете.

Варя была не из тех детей, что орут на всю улицу и пускают кораблики в лужах. Она была из тех, кто сидит на завалинке, прижав один глаз, и слушает, как капли звенят по железному листу на крыше. «По ком звенят? — думала Варя. — По маме? По солнцу? Или по той золотой рыбке, которая живёт в ведре с дождевой водой и каждую ночь превращается в месяц?»

Росту в ней было — чуть повыше куста смородины. Волосы — русая коса с льняной лентой, а веснушки на носу — как будто маленькое солнышко разбилось на кусочки и прилипло к Варе навсегда. Глаза серые, но, когда Варя удивляется — делаются синие, как родниковая глубина. А когда смеётся — карими, как корочка ржаного пряника.

Бабушка Аграфена жила с ней в избе — белой, с резными петухами на крыше. Бабушка была старая, круглая, как колобок, и мудрая, как печка, которая кормит и греет, и сказки ткёт — не отличишь от кружева.

— Варюшка, — говорила бабушка, — ты бы вышла к ребятам-то. Вон, Маша с Гришкой в «салочки» играют. Аль тебе не скучно?

— Скучно, бабушка, — вздыхала Варя. — Только мне с ихними словами не по пути. Они говорят «круто», «вау», «хайп», а я хочу сказать «прялица» и «величава».

— Эх, — вздыхала бабушка. — Забытые слова — они как улетевшие пчелы. Без них и мёд не сладок.

И тут за окошком раздался шум. Да такой, что даже петух на крыше упал. Это приехали городские — огромные машины, музыка ревет, а из одной машины вылез толстый человек в черных очках и закричал:

— Эта земля — под магазин! Все снесём! Деревню — долой! Словесный мусор устарел!

Мужики наши вышли с вилами. Бабки запричитали. А Варя вдруг почувствовала, как земля под ногами дрогнула и — застонала. Низко так, грудным голосом:

— Не выдам слова. Серебряный ключ... найди...

Никто, кроме Вари, этого стога не услышал.

Глава 2. Что нашлось в сундуке, где пахнет юностью

В тот же вечер бабушка Аграфена сказала:

— Ну, Варя, раз земля стонет — пора. Полезай-ка в сундук.

— В какой сундук?

— А в тот, что у печки, под половиком. Только открой не руками — а словом.

Варя отодрала половик (а там — мышинная возня, пыль столетняя и прошлогодняя клюква), нашла кованый сундук с замком, у которого дырочка была, словно ушко.

— Каким словом-то? — спросила Варя.

Бабушка шепнула на ухо:

— Скажи то, что тебя больше всего на свете греет.

Варя подумала. И прошептала:

— Мама...

Она маму помнила смутно: та уехала в город работать, обещала вернуться, но прислала только открытку с пальмами. Но слово «мама» — оно всегда было теплым, как парное молоко.

Замок щёлкнул. Крышка сундука поднялась сама, и оттуда полетели: старый лапоть, кружевное полотенце, пузырёк с валерьянкой, и — веретено. Обычное, железное, с зазубриной. Но в середине — ямка, а в ямке свито гнездышком не письмо, а свёрточек из бересты.

Варя развернула. Там буквы — как хвосты змей, выются:

«Кто слово молвит, как в родник уронит —

тому откроется глубина.

А кто промолчит — останется пустым,

как высохшая тыква-погремушка.

Скажи семь скороговорок за один вдох —

и железо запоёт».

Варя вдохнула. И выпалила:

— На дворе трава, на траве дрова, не руби дрова на траве двора. У ежа — ежата, у ужа — ужата. Шла Саша по шоссе и сосала сушку. Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет. Везёт Сенька Саньку с Сонькой на санках, санки — скок, Сеньку — в бок, Саньку — в лоб, Соньку — в кочку. От топота копыт пыль по полю летит. И в завершение: кукушка кукушонку купила капюшон, как в капюшоне кукушонок смешон!

Ни разу не сбилась. Сердце замерло. И веретено — дзынь! — развернулось, выпрямилось, и на одном конце засиял ключ. Самый что ни на есть Серебряный Ключ. А на другом — рыбка живая трепыхается.

— Рыбка? — ахнула Варя.

— Не рыбка, — сказала бабушка, протирая очки. — Это Названь. Ключ без названья — железка. А с названьем — сила.

И тут пол под печкой разверзся. Темнота пахнула медом, чернозёмом и старыми сказками. Лестница крутая вниз — как свёрнутая гармошка.

— Ну, Варя, — бабушка перекрестила ее, — ступай. Ключ из родника не украли, а забыли. А забытое воротить труднее, чем украденное. Будь тихой, но звонкой.

Варя спустилась на первую ступеньку. А за спиной бабушкин голос прошептал последние слова:

— И не бойся Немой. Немая — это мы сами, когда молчим на то, что дорого.

Глава 3. Болтливый Кузя и Плачущий Леший

Тьма не была черной. Она была серо-синяя, как вечер перед грозой, и в ней плавали светлячки — да не простые, а буквенные. То «А» пролетит, то «Ж», то целое «МАМА» прошепелестит крыльями и упадёт вниз.

Варя шла по лестнице долго. Считала ступеньки: раз — прозвенело, два — засмеялось, три — заплакало. На сороковой ступеньке лестница кончилась и начался... язык.

Нет, не человеческий. Дорожка, выложенная старыми поговорками. Каждая поговорка — как камешек: «Баба с возу — кобыле легче», «В тихом омуте черти водятся», «Как аукнется — так и откликнется». Варя наступила на «аукнется» — и из-под земли раздался голос:

— Ой-ой-ой! Кто топчет мои скороговорки?!

Из норы выкатился клубок шерсти, пыли и варежек. Это оказался домовый. Только не обычный: ростом с сапог, усы — как два расписных полотенца, рубаха косая, а глаза бегают, как две перепуганные горошины.

— Ты кто? — спросила Варя.

— Я-то? Я Кузя. Болтливый Кузя. Меня за язык наказали: теперь не могу замолчать ни на минуту, иначе превращусь в лучину. А ты? А зачем? А ключ? Ах, блестит! Ах, серебряный! А знаешь, сколько у меня пословиц? Сто тридцать семь! Сейчас расскажу: первый блин комом, за двумя зайцами — ни одного, утро вечера мудренее, а ты не перебивай, а то я запнусь и стану щепкой! А ты не молчи, а то я от твоей тишины завяну! А говори громче! А говори скорее! А говори...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.